

А. И. Розов

Переживание комического в свете некоторых более общих закономерностей психической деятельности

Источник: Вопросы психологии. 1979. № 2. С. 117–125.

Явление комического давно привлекло к себе внимание исследователей, которые не только подробно описывали его различные формы, но и пытались объяснить его причины. Существует огромное количество философских, литературоведческих, психологических и даже физиологических трудов, в которых рассматриваются различные аспекты смеха, юмора, остроумия, сатиры, иронии¹.

Мы рассмотрим некоторые проявления комического в свете предлагаемой концепции, согласно которой продуктивная (эвристическая, неалгоритмизированная) умственная деятельность управляется двумя взаимосвязанными внутренними механизмами (закономерностями) — анаксиоматизацией и гипераксиоматизацией (соответственно — обесцениванием и повышенной оценкой информации и способов выполнения задания [3], [4], [5]).

Неисчерпаемость форм смешного делает невозможным их полный охват и создает впечатление, будто для подтверждения любой концепции комического легко подобрать такие примеры, которые больше всего ей соответствуют. Чтобы отвести упреки в тенденциозном выборе фактов, мы в первую очередь воспользуемся как раз примерами, служившими для подкрепления других теоретических взглядов, в которых главный упор также делается на психологические механизмы и которые здесь подвергаются критике.

В этюде «Физиология смеха» Герберт Спенсер приводит такой пример: внезапное появление козленка на сцене во время драматического представления вызывает смех у публики. Спенсер объясняет это так: «Значительное количество нервной силы, вместо того чтобы потратиться на произведение соответствующего количества новых идей и чувств, которые уже находились в состоянии зарождения, внезапно задерживается в своем течении... излишек энергии должен разрядиться в каком-нибудь другом направлении» [6; 14]. Ведь и те зрители, которые следили за развитием сюжета пьесы, но без особого волнения, и у которых не зарождались новые идеи и чувства, будут также безудержно смеяться. Таким же образом реагировала бы публика на появление козленка и в самом начале представления или даже перед ним. Исполнители же и тем более люди, ответственные за проведение спектакля, едва ли станут смеяться по такому поводу, хотя именно у них нервно напряжение будет максимальным. Смешно в описанной ситуации только тому, кто смотрит на нее со стороны, испытывая своеобразное чувство превосходства, безопасности и защищенности (его, мол, данная ситуация не задевает и вообще он в ней не может оказаться). Видимо, все дело в чрезвычайно резком отклонении реальных событий от ожидавшихся в данной ситуации и в наличии чувства превосходства у смеющихся.

---

¹ В специальном библиографическом справочнике по этим вопросам, изданном в 1923 г., насчитывается 363 названия (см. [9; 32]). С тех пор это число, естественно, значительно возросло.

Точно так же смех будут вызывать всевозможные действия человека, совершаемые им в нарушение наших прогнозов, основанных на предположении о разумном и целенаправленном характере его поведения. Приведем один из примеров, которыми Бергсон иллюстрирует свою концепцию смеха, трактующую комический эффект как имеющий место тогда, когда гибкость ума заменяется инертностью автоматизма. Человек вытаскивает из чернильницы на кончике пера кусочек грязи, однако он продолжает многократно обмакивать перо — все с тем же результатом. Как считает Бергсон, комический эффект, возникающий при восприятии описанной сценки, обусловлен тем, что разумное действие (в данном случае — прекращение пользования чернильницей, замена ее и т. д.), которое мы вправе ожидать от живого, рационально мыслящего человека, заменено бездумными реакциями, или жестким автоматизмом, присущим неодушевленной материи [7; 10].

Однако многие примеры, приведенные Бергсоном, не укладываются в столь суженную схему. Так, вид человека, пляшущего под музыку, которой мы не слышим, действительно производит комическое впечатление [7; 5], но вовсе не потому, что такой плясун совершает чисто автоматизированные действия: его телодвижения могут быть на редкость пластичными и утонченными — пляска без музыки все равно смешна; просто потому, что это противоречит общепринятому представлению о ситуации, подходящей для танцев. Другие факты, трактуемые Бергсоном как комические, могут выступать и как трагические при соответствующем к ним отношении; как правильно отметил Кестлер, такой факт, как невольное падение поскользнувшегося тучного человека, вызовет смех у бесчувственного школьника и слезы у сентиментальной старушки [9; 46]. Добавим, что комическое аналогичным образом соотносится и с другими эмоциями. Например, религиозные обряды, настраивающие атеиста на насмешливый лад, пробуждают у верующих благоговение.

Из современных авторов, уделивших серьезное внимание проблеме комического, укажем на Кестлера, который значительную часть своего многопланового труда «Творческий акт» посвящает механизмам возникновения комического эффекта. Последний рассматривается Кестлером как результат столкновения двух различных планов, разных способов поведения («матриц») [9; 38–45]. Так, типичную комическую ситуацию: почтенный профессор, восседающий на кафедре, вдруг падает на пол вследствие того, что под ним разваливается кресло, — Кестлер объясняет тем, что профессор в данном случае «воспринимается в двух несовместимых контекстах: авторитет развенчивается притяжением» [9; 45]. Такое объяснение представляется нам чрезвычайно громоздким и надуманным. По нашему мнению, дело обстоит гораздо проще: ситуация резко отклоняется от той, которая должна иметь место в соответствии с признанными нормами, причем несущественно, в силу каких причин происходит такое отклонение: вследствие ли вторжения посторонних «матриц» в данную ситуацию или вследствие ее внутренних изменений. Мы смеемся и тогда, когда пение камерного певца сопровождается неподходящими звуками (например, громким [\[:118\]](#) скрипом половиц), и тогда, когда у певца вдруг садится голос. Во всех рассматриваемых случаях существенным условием возникновения комического эффекта является пробуждение у субъекта таких психических состояний (в контексте приведенных выше примеров), как чувство превосходства по поводу того, что сам он успешно пройдет по скользкой дорожке, на которой другие падают, что ему не подставят непрочный стул, и убежденности в том, что никакие неожиданные изменения обычного хода

событий не имеют ни прямого, ни косвенного отношения к самому субъекту и близким ему людям.

Анализ некоторых типичных фактов, которыми иллюстрировались теории смеха Спенсера, Бергсона и Кестлера, показывает, что для понимания психологической природы комического недостаточно использовать грубо механистические представления, а требуется более тонкий понятийный аппарат, отражающий специфические особенности внутреннего мира и, в частности, отношение самого субъекта к событиям, возбуждающим смех.

В первом приближении можно говорить о двух неперемненных условиях возникновения комического эффекта. Прежде всего, что отрицание реальностью того, что ожидается в данной ситуации или приличествует ей². Говоря иначе, первым условием комического эффекта является *обесценивание* соответствующих норм и условностей вследствие того, что реальные события совершаются вопреки им. Во-вторых, наличие у человека чувства превосходства³ в связи с тем, что в данной ситуации не находится ни сам он, ни близкие ему в каком-либо отношении люди. Говоря иначе, речь идет о своеобразной *повышенной оценке* смеющимся собственной личности — ее физических и моральных качеств, ее благополучия и устойчивости положения в социальной среде и мире вещей. (Здесь необходимо оговориться, что на определенном уровне культурного и интеллектуального развития человек в состоянии и самого себя и близких ему людей сделать объектом своих насмешек, но и в этом случае сознание своей способности подняться над личным и проявить беспристрастность служит также источником чувства превосходства. Как выразился Андре Моруа, легко посмеяться над самим собой, когда речь идет о мелочах и когда чем-то значительным у себя можно восхищаться [10; 247].

Важно подчеркнуть, что одно первое условие, при отсутствии второго, выступает фактором самых различных реакций (недоумения, досады, сожаления, сочувствия, негодования, возмущения, гнева и т. п.), но отнюдь не смеха и вообще комического эффекта. Точно так же чувство превосходства, не связанное с обесцениванием, а возникшее на почве, скажем, удач, предубеждения, захваливания, не может быть причиной комического.

Возникает естественный вопрос: представляют ли указанные условия совершенно два независимых друг от друга фактора, простое совпадение которых обеспечивает возникновение комического эффекта, [119] или же существует между ними некоторая более глубокая внутренняя связь?

Несомненно, что прямым поводом для возникновения у субъекта чувства превосходства выступает как раз воспринимаемая им ситуация, в которой имеет место обесценивание ожидаемого, принятых норм и условностей; следовательно, оба условия органически связаны между собой. Правда, чувство превосходства возникает далеко не всегда в силу внутренних состояний субъекта (сочувствие, солидарность, сопричастность к событиям, нормальный ход которых нарушен,

---

² Только в этом смысле можно вместе с Ю. Боревым говорить о «контрасте, разладе, противоречии» [1; 146] как одном (но отнюдь не исключительном!) из существенных факторов комического. Другой односторонней крайностью следует считать сведение причины смеха только к чувству превосходства, как, например, у индийского теософа Бхагавана Даса [8; 115].

³ А. Н. Лук среди прочих причин комического справедливо выделяет чувство превосходства в связи с чужой неловкостью, чужими оплошностями и промахами [2; 135] и в связи с сознанием собственных интеллектуальных и моральных преимуществ [2; 154]. Мы понимаем чувство превосходства в более широком смысле (включая в него чувство защищенности, безопасности, уверенности в том, что вызывающая смех ситуация не может коснуться ни самого субъекта, ни его близких) и считаем его необходимым условием любого комического эффекта.

большая или меньшая степень идентификации с объектом, оказавшимся в комической ситуации, соображения этического характера, эстетические факторы). Однако при отсутствии перечисленных обстоятельств обесценивание, рассматриваемое как первое условие комического, неизменно порождает чувство превосходства, которое представляет особую форму повышенной оценки. Все это дает основание усмотреть за комическим эффектом совместное действие названных выше механизмов анаксиоматизации и гипераксиоматизации (обесценивания и повышенной оценки).

Взаимоотношения между указанными обоими механизмами исследовались нами на семантическом материале. В частности, в специальном эксперименте [5] нам удалось показать, что обесценивание одних единиц текста (скажем, предложений) обуславливает повышенную; оценку других единиц (слов). Говоря более общо, не только повышенная оценка одних данностей, вариантов и т. д. приводит к обесцениванию других (это совершенно очевидно чисто логически), но имеет место обратная зависимость — обесценивание может стать причиной повышенной оценки [4], [5]. Выше мы видели, что в явлении комического не просто прослеживается смещение оценок, в котором мы усматриваем сущность внутренних механизмов умственной деятельности, но особенно ярко проявляется возможность возникновения повышенной оценки в результате обесценивания.

Чувство превосходства, будучи формой проявления повышенной оценки в комической ситуации, доставляет субъекту удовольствие и даже радость, которые внешне выражаются в мимике улыбки или смеха.

Обобщая ряд биологических, физиологических и психологических исследований мимики смеха, восходящих к трудам Дарвина и Белла, А. Лук с полным основанием утверждает, что улыбка и смех — естественные реакции на удовлетворение различных потребностей и стремлений человека, а также показатели его физического и душевного комфорта [2; 62–65]. Следовательно, весьма многообразна биологическая роль смеха, который связан не только с комическим эффектом. Однако связь смеха с комическим эффектом, наступающим в результате действия механизмов анаксиоматизации и гипераксиоматизации, обуславливает преднамеренное использование его в качестве одного из действенных средств как обесценивания, так и повышенной оценки.

Общепризнано, что подвергнуть осмеянию человека равносильно обесцениванию приписываемой ему важности или значимости; именно поэтому недопустимо и даже невозможно смеяться над людьми, пользующимися подлинным авторитетом и уважением, а также явлениями, внушающими почтительное отношение, т. е. над тем, что получило повышенную оценку. Смехом люди часто выражают свое равнодушие к невзгодам и трудностям, презрение к угрозам и опасностям, свою независимость и чувство собственного достоинства. При помощи смеха обесцениваются претензии на всемогущество. Недаром французская поговорка гласит, что нет ничего страшнее, чем оказаться смешным. Указанное значение смеха точно уловлено народным сознанием и отражено в особенностях лексики и фразеологии. Так, в «Толковом словаре» Даля к выражению «смеяться над чем и чему» приводятся следующие синонимы: издеваться, насмехаться, трунить, не уважать, небречь, презирать, ставить ни во что, не бояться, кощунствовать.

В сочинениях, выражающих охранительные тенденции, мы находим враждебное отношение к смеху и насмешке, которые всегда служили действенным оружием в руках прогрессивных сил в деле обесценивания реакционной идеологии, обскурантизма и ханжества. Так, буквально в первом стихе первого псалма

Давида насмешники порицаются вместе с безбожниками и грешниками и по существу приравниваются к ним. Яростная неприязнь ревнителей культа к насмешникам объясняется их опасением, что насмешке (сиречь — обесцениванию) могут подвергнуться каноны веры.

Весьма характерно, что право так называемых шутов почти безнаказанно смеяться над своими покровителями (королями и знатными особами) оплачивалось дорогой ценой — шутам официально приписывалась интеллектуальная неполноценность (в английском, французском и других языках шут и дурак обозначаются одним и тем же словом). Поэтому и насмешки со стороны лиц, чье человеческое достоинство унижалось и чьи умственные способности обесценивались, воспринимались благодушно и со снисходительной улыбкой благоденствующими их принципалами (хотя они часто и догадывались о реальных способностях шутов).

Рассматривая смех и насмешку в качестве произвольных и активных средств, применяемых с целью обесценивания, остановимся на их основных формах. Обесценивание нередко успешно достигается путем простой мимики смеха: взрыв хохота в ответ на серьезное предложение или высокомерная, надменная улыбка при встрече служат красноречивым выражением отрицательного отношения. Но существует широкий диапазон и других форм осмеяния (обесценивания). К самым примитивным из них следует отнести различные оскорбительные жесты и бранные слова (обесценивание норм приличия и благопристойности), вызывающие, впрочем, желательный комический эффект лишь у очень невзыскательных и малокультурных людей. На противоположном полюсе находится утонченное острословие. Среднее место занимают шутки, юморески, каламбуры, анекдоты, карикатуры. Прибегая к тем или иным формам осмеяния, субъект сам создает вербальными или художественными средствами ситуации, рассчитанные на комический эффект, который возможен только при соблюдении рассмотренных выше двух существенных условий комического. Шутки и каламбуры только тогда кажутся смешными, когда в них есть неожиданные находки, словосочетания и созвучия, ранее не употреблявшиеся или не замечавшиеся. Хорошим считается анекдот, концовку которого трудно предсказать, т. е. когда сюжет его сильно и резко отклоняется от привычного хода наших мыслей.

При использовании рассмотренных приемов комический эффект Достигается благодаря обесцениванию не только традиционной формы выражения идеи, привычного развития сюжета (как это имеет место в анекдотах), прогнозируемых и подсказываемых ситуацией событий, но прежде всего конкретных лиц и реальных явлений. Говоря иначе, в указанных приемах имеется двойное обесценивание.

Более сложным и тонким является прием остроумия, также состоящий в двойном обесценивании, которое, однако, внешне замаскировано кажущейся, на первый взгляд, согласованностью остроты с [121] тем, против чего она направлена. Скажем, на педагогическом совете некоторые его члены, апеллируя к чувству гуманности более требовательных педагогов, настаивают на переводе в следующий класс очень слабого и ленивого ученика. Остроумным оказалось предложение одного преподавателя перевести этого ученика на две и более ступеней выше, чтобы его дальнейшее пребывание в школе не слишком долго утомляло его и его воспитателей. Совершенно очевидная абсурдность такого предложения полностью обесценивает стремления сердобольных педагогов переводить в следующий класс неподготовленных учащихся.

Чувство превосходства, возникающее у авторов шуток и острот в связи с тем, что им удается посрамить и поставить в неблагоприятное положение своих оппо-

нентов, сделав их таким образом «жертвами» комической ситуации, передается и слушателям, реагирующим смехом. Разумеется, такую реакцию в обычных условиях нельзя ожидать от самих «жертв» или сочувствующих им, ибо это означало бы признание с их стороны превосходства «обидчиков» (по этой причине даже самые тонкие и изощренные шутки и остроты несимпатичных нам людей не могут вызвать в нас адекватного комического эффекта). Скорее наоборот, вполне естественной должна быть с их стороны такая реакция, как чувство обиды, оскорбленного самолюбия и т. д. Именно на такой; эффект и рассчитывают (сознательно, а иногда и неосознанно) авторы острот и шуток. Вот почему подобная «комическая агрессивность» не достигает цели, когда «жертвы» ее реагируют неожиданным для обидчиков образом, обесценивая прогнозируемый ими эффект, когда, например, люди намеренно сами присваивают себе придуманные врагами бранные клички и оскорбительные прозвища. Так, нидерландские повстанцы, прозванные в издевку испанцами гезами («нищими»), сами себе дали такое боевое имя.

Своеобразный способ обесценивания условностей, который нередко практикуется в художественной литературе, состоит в следующем: писатель изображает осмеиваемые условности так, как они воспринимаются наивными, неискушенными людьми. При этом для создания комического эффекта нет надобности специально нарушать привычный ход событий или вносить резкие изменения в ожидаемую ситуацию. Абсолютно правильно протекающий процесс будет все равно обесцениваться, однако не какими-то отклонениями, а точкой зрения воспринимающего его героя, вследствие чего и возникает комический эффект. Такой способ применил Лев Толстой в романах «Воскресение» — для осмеяния церковных обрядов (описание пасхального ритуала причащения с точки зрения здравого смысла) и «Война и мир» — для осмеяния некоторых видов искусства (восприятие оперного спектакля Наташей Ростовской, которой якобы невдомек, что любое сценическое представление носит условный характер).

Мы рассмотрели, как смех может использоваться в целях обесценивания; обратимся теперь к тому, как применяется комический эффект в расчете (разумеется, неявном) на действие второго внутреннего механизма — гипераксиоматизации. Учитывая второе условие комического, для того чтобы вызвать смех у человека, необходимо дать ему почувствовать его превосходство в чем-либо. Древнейший способ добиться этого — клоунада, нарочито изображающая физическую или интеллектуальную неуклюжесть и тем подчеркивающая превосходство зрителей. Здесь опять можно вспомнить и шутов, по должности своей и в еще большей степени добровольных, потешавших своих покровителей и льстивших их самолюбию возможностью сознавать свои преимущества в самых различных отношениях. Грибоедов, например, внесценически образом Максима Петровича в комедии «Горе от ума» показал, какую важную роль в раболепстве играет способность вызвать смех у особы, перед которой заискивают.

В любом случае заставить человека рассмеяться — значит войти с ним в эмоциональный контакт и в той или иной мере расположить его к себе. И не случайно к смеху как средству, пробуждающему симпатию, прибегают влюбленные и деловые люди, педагоги и ученые, политические деятели и писатели, ораторы и лекторы. Осмеяние общих недругов, смех по поводу отрицательных явлений, одинаково ненавистных определенному кругу лиц, объединяет людей переживаемым совместно чувством превосходства. Таким образом, смех и вообще комическое выступает как средство сплочения. И в повседневной жизни, чтобы завязать знаком-

ство или просто вступить в общение, мы начинаем с остроумного замечания или рассказа о забавной истории.

Выше мы постарались объяснить, почему шутки и остроты тех, к кому настроены враждебно, не имеют успеха. Здесь же необходимо подчеркнуть, что дружелюбие всегда способствует возникновению комического эффекта: даже слабые остроты и не очень удачные шутки одобрительно воспринимаются в кругу друзей. Правда, смех по поводу чьих-либо острот может быть и неискренним, угодливым, но и в этом случае смеющийся стремится выразить свою повышенную оценку человеку, которому он желает угодить, польстить его самолюбию, подчеркивая умение острить. Таким образом, если участие механизма анаксиоматизации в генезисе комического служит целям борьбы и используется в качестве своеобразных щита и оружия, направленных на все, что противостоит субъекту, то участие механизма гипераксиоматизации оказывается действенным средством снискания симпатии и привлечения других людей на свою сторону.

Подведем итоги. Существенным и исходным условием комического эффекта можно считать обесценивание того, что ожидается в данной ситуации — в соответствии с логикой развития событий, а также имеющимся прежним опытом субъекта, установленными нормами и общепринятыми условностями. Обесценивание осуществляется либо самой реальностью (независимо от субъекта), либо при помощи применяемых последним разнообразных приемов. В силу единства механизмов анаксиоматизации и гипераксиоматизации обесценивание может вызвать в субъекте соответствующую повышенную оценку (чувство превосходства), если внутренние обстоятельства этому не препятствуют. Переживаемое субъектом удовольствие от чувства превосходства внешне выражается — в зависимости от степени его интенсивности и некоторых факторов воспитания — в форме смеха или улыбки. Однако указанные формы выражения комического эффекта могут в свою очередь использоваться для выражения оценочного отношения к людям и различным явлениям реальной жизни и, более того, для создания соответствующего отношения к самому субъекту и к другим людям.

Итак, анализ психологической природы комического, а также особенностей его многообразных функций в человеческих взаимоотношениях подтверждает тесную связь этого явления с обоими внутренними механизмами смещения оценок, выявленными при экспериментальном исследовании процессов другой природы — выполнения интеллектуальной деятельности. Все это подкрепляет нашу концепцию о роли смещения оценок (обесценивания и повышенной оценки), ибо возможность адекватной и логически последовательной трактовки совокупности существенных факторов в свете теории, сформулированной при осмыслении другого исходного материала, повышает эвристическую значимость такой теории и делает ее более универсальной. В частности, на [123] принципиально новом конкретном материале подтверждается трудно доказуемое положение о том, что обесценивание может вызвать повышенную оценку.

Вместе с тем анализ психологической природы комического подводит, кажется, к пониманию пути овладения субъектом внутренними механизмами умственной деятельности. Несомненно, что более ранними формами комического эффекта являются те случаи, которые обусловлены обесцениванием, осуществляемым самой реальностью. Многократные наблюдения человека за подобными фактами, естественно, создают предпосылки для постижения им (пусть интуитивного и отнюдь не осознанного) определенных причинно-следственных зависимостей между внешними событиями и некоторыми собственными внутренними состояниями. Так, неявно устанавливается связь между нарушением прогнозируемого течения

событий и возникновением соответствующего положительного переживания — чувства превосходства. Благодаря этому субъект виртуально открывает новые источники получения удовольствия. Тем самым реальность, реальные события научают человека пользоваться механизмом анаксиоматизации — сначала, правда, в узкогедонических целях. Но стоит только субъекту вообще прибегнуть применению какого-либо способа в одних целях, как он рано или поздно станет им пользоваться в самых различных целях; говоря конкретнее, анаксиоматизация становится также средством отбрасывания рутинных приемов решения задач, требующих творческого подхода, посторонней и мешающей информации, к делу не относящихся подробностей и т. д. Одним словом, объективные механизмы, выполнявшие первоначально одни функции, с успехом обслуживают другие, более значимые функции. Таким представляется нам один из возможных путей приобщения субъекта к рассмотренным внутренним закономерностям.

Мы полагаем, что углубление в природу комического является важным не только для понимания данного феномена, но и для более полного и адекватного раскрытия законов всей внутренней жизни человека.

1. *Борев Ю.* Комическое. — В кн.: Словарь литературоведческих терминов. М., 1974, 512 с.
2. *Лук А. Н.* О чувстве юмора и остроумии. М., 1968, 191 с.
3. *Розов А. И.* Об экспериментальном исследовании внутренних законов умственной деятельности. — Новые исследования в педагогических науках. Сообщ. I, 1967, XI; с. 88–91. Сообщ. II. 1969, XIII, с. 123–128.
4. *Розов А. И.* Экспериментальное исследование эвристической деятельности при использовании лингвистического материала. — Вопросы психологии, 1968, № 6, с. 50–61.
5. *Розов А. И.* О взаимоотношении некоторых внутренних механизмов умственной деятельности. — Вопросы психологии, 1973, № 3, с. 133–137.
6. *Спенсер Г.* Физиология смеха. СПб., 1881, 20 с.
7. *Bergson H.* Le rire. Essai sur la signification du comic. P., 1910, 204 p.
8. *Das Bhagavan.* La science des émotions. Bruxelles, 1921, 206 p.
9. *Koestler A.* The act of creation. L., 1964, 751 p.
10. *Maurois A.* Une carrières et autres nouvelles. Moscou, édition du Progrès, 1975, 271 p. [124]